

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ДЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Японские дети
слушают старших
и едят рис

Юка ЯМАМОТО

Бестселлеры детской психологии

Юка Ямамото

**Японские дети слушают
старших и едят рис**

«Издательство АСТ»

2015

Ямамото Ю.

Японские дети слушают старших и едят рис / Ю. Ямамото —
«Издательство АСТ», 2015 — (Бестселлеры детской психологии)

Япония – страна контрастов, в которой гармонично сочетаются вековые традиции и модернистические идеи, ставшая одной из ведущих торговых держав за полвека. Как японские родители умудряются привить уважение к традиционным ценностям и взглядам, а также любознательность к поиску новых форм самовыражения. Японское общество невероятно разнообразно, при этом уважение к старшим привито с молоком матери. Как же японским родителям всегда удается воспитывать умных, не по годам развитых интеллектуально и эмоционально, с примерным поведением «гордость мамы и папы»?

© Ямамото Ю., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Цели и задачи японского воспитания	6
Особенности японского воспитания: мифы и реальность	8
Японские женщины. Семья или работа?	10
Японские термины родства и обращения в семье и вне семьи	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Юка Ямамото
Японские дети слушают старших и едят рис

© Юка Ямамото.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Цели и задачи японского воспитания

У образовательно-воспитательной системы в Японии фактически только одна цель – **сделать из ребенка достойного члена японского общества**. Именно на это направлены все усилия семьи и школы, и в большинстве случаев достичь поставленной цели им вполне удается.

В этом сила японской системы воспитания, но в этом же и ее слабость.

Японцы не слишком интересуются сменяющимися друг друга модными европейскими идеями воспитания гармоничной личности, не боятся «ранить нежную детскую психику» или подавить чью-то индивидуальность, не страшатся конкуренции в детском коллективе, но и не поощряют открытое соперничество, а главное – верят в необходимость дисциплины, строгости и контроля за успеваемостью.

Возможно, именно поэтому в Японии уже давно почти сто процентов населения имеют высшее или среднее специальное образование, чем не могут похвастаться ни США, ни европейские страны. Да и легендарная японская вежливость вызывает восхищение во всем мире.

Вроде бы, все прекрасно, система идеальна. Но такой идеальной она кажется, только пока не знаешь о том, что, по статистике министерства здравоохранения, труда и благосостояния, каждый пятый японец имеет проблемы с нервной системой, а каждый пятнадцатый и вовсе страдает от депрессии или нервного расстройства. И это тоже результат все того же знаменитого японского воспитания.

Причем, в этом нет никакого противоречия. Можно даже сказать, что в Японии сразу растяг из ребенка вежливого и прекрасно образованного человека с нервным расстройством.

Точнее, не так. Противоречие все-таки есть, но оно кроется вовсе не в результатах воспитания, а в его задачах. Их всего две:

1) **Воспитать человека, который умеет слаженно работать в коллективе.**

Для жизни в японском обществе, обществе групп, это жизненно необходимо. У дошкольного воспитания эта задача вообще единственная, в детских садах детей учат не писать и считать, а взаимодействовать с другими детьми и правильно себя вести. И это на самом деле жизненно необходимые умения. В Японии человек, который не может вписаться в любой коллектив, не имеет будущего.

2) **Воспитать конкурентоспособного человека.**

Все просто – чтобы получить хорошую работу, надо иметь престижное образование, а чтобы поступить в хороший вуз, надо закончить школу с максимально высокими баллами, выше, чем у других детей. Поэтому еще с детского сада родители нацеливают детей на то, что им надо хорошо учиться и много работать, чтобы стать лучшими.

* * *

С одной стороны, противоречие очевидно: чтобы стать лучшим, ребенок должен сосредоточиться на собственных успехах, а не на коллективе, он должен выделиться, и к тому же ему приходится конкурировать с другими детьми, что серьезно мешает взаимодействию внутри группы и установлению дружеских отношений. Но очень многие японцы не соглашаются с тем, что эти две задачи друг другу противоречат, и справедливо указывают на то, что когда каждый старается быть лучшим, повышается общий уровень всего коллектива в целом. А следовательно (вывод спорный для европейца, но вполне логичный для японца), воспитание конкурентоспособных членов общества ведет к укреплению общества в целом, как некоего главного, большого коллектива.

Несколько запутанно, но все, что касается Японии, вообще нелегко понять с первого раза. И здесь набившая оскомину фраза о разнице менталитетов будет на редкость кстати. Причем, эта разница обусловлена именно японскими особенностями. Глубоко ошибаются те, кто считает, что американцы, немцы или шведы понимают японцев лучше, чем русские. Да что там, даже их ближайшие соседи – китайцы и корейцы – почти так же далеки от них, как и мы.

Почему так сложилось? Нельзя забывать, что история любой страны – это постоянное взаимодействие с многочисленными соседями, обмен знаниями, достижениями, культурой. А Япония больше двух с половиной веков жила в полной изоляции от всего остального мира. Выезд за границу или самовольные контакты с иностранцами карались в то время смертной казнью. И следовательно, никакого культурного обмена фактически не существовало. Более того, этот период совпал с мировой промышленной революцией, временем растущих скоростей, ломающихся устоев и бурных, иногда насильственных перемен.

Вот и получилось, что именно в то время, когда весь мир особенно активно обменивался опытом, Япония изолировалась и шла своим собственным путем. Так что неудивительно, что за эти два с половиной столетия там установились очень своеобразные представления и традиции, многие из которых продолжают действовать по сегодняшний день.

Это в полной мере относится и к традициям обучения и воспитания. Американцы, правда, после поражения Японии во Второй мировой войне, пытались реформировать японскую систему образования, а попросту говоря, сломать ее и заставить всех учиться по американскому образцу. Но это у них не особо получилось. Среднее и высшее образование, правда, удалось сделать похожим на западное, впрочем, тут большую роль сыграла практичность японцев, понимавших, что для увеличения конкурентоспособности надо соответствовать мировым стандартам. Но дошкольное воспитание, прививающее детям базовые ценности, да и вообще воспитание в целом, так и осталось прежним, сложившимся еще в период изоляции.

Особенности японского воспитания: мифы и реальность

Татьяна Тимофеева в своей популярной статье «Японское воспитание» пишет: «Японская мама приходит в парикмахерскую с маленьким сынишкой. Сначала карапуз терпеливо ждет, пока она закончит все процедуры, а потом, не выдержав скучного ожидания, начинает открывать баночки с кремами и рисовать на зеркале замысловатые узоры. Все смотрят на него с улыбкой, и никто не делает замечания: маленькому ребенку можно все...

Период «вседозволенности» у малыша продолжается всего до 5 лет. До этого возраста японцы обращаются с ребенком, «как с королем», с 5 до 15 лет – «как с рабом», а после 15 – «как с равным». Считается, что пятнадцатилетний подросток – это уже взрослый человек, который четко знает свои обязанности и безукоризненно подчиняется правилам. В этом заключается парадокс японского воспитания: из ребенка, которому в детстве разрешали все, вырастает дисциплинированный и законопослушный гражданин. Однако торопиться с перенесением японских методов воспитания в российскую действительность не стоит. Было бы неправильно рассматривать их в отрыве от мировоззрения и образа жизни японцев. Да, маленьким детям в этой стране разрешают все, но в 5–6 лет ребенок попадает в очень жесткую систему правил и ограничений, которые четко предписывают, как надо поступать в той или иной ситуации. Не подчиняться им невозможно, поскольку так делают все, и поступить по-другому – означает «потерять лицо», оказаться вне группы. «Всему свое место» – один из основных принципов японского мировоззрения. И дети усваивают его с самого раннего возраста».

Автор формулирует основные особенности теории японского воспитания. Именно под таким углом сами японцы и стремятся показать миру свои традиции обращения с детьми. Но на практике все, конечно, не так четко и уж тем более не так единообразно.

Японское общество вовсе не такое однородное, как кажется иностранцам. И речь не о том, что у них, как везде, есть миллионеры и нищие. Эти два общественных полюса можно не учитывать, они в любой стране стоят особняком. Но и в среде обычных японцев, образованных, воспитанных, работающих на приличной работе, методы и способы воспитания довольно сильно различаются. Причем часто даже не из-за взглядов родителей, а по внешним причинам, вынуждающим их жить не так, как они хотят, а как требуют обстоятельства.

Даже знаменитая японская вседозволенность в дошкольном возрасте практикуется далеко не везде и не всегда. Причем есть родители, которые воспитывают детей в меру строго, а есть и те, которые уже в садик отправляют не ребенка, а маленького взрослого, соблюдающего все правила японского хорошего тона. Это, вроде бы, нарушение традиций, но делается оно из благих побуждений, ради того, чтобы ребенок имел преимущество перед остальными детьми в группе, а значит был более конкурентоспособен.

Что касается самой вседозволенности до пятилетнего возраста, которая вызывает восхищение у многих поклонников японской системы воспитания (правда, в основном у бездетных), то она при ближайшем рассмотрении тоже выглядит достаточно своеобразно. Иностранцы, оказавшись в тех местах, где бывает много маленьких детей, обычно приходят в ужас. Семейное кафе по-японски – это некий бедлам, где малыши бегают, орут, хватают чужие вещи, утаскивают со столов чужую еду, топают, кричат друг на друга и на взрослых, а их родители в это время сидят с отстраненным видом, словно ничего не происходит.

Но главное, так сидят не только родители, но и все окружающие. По правилам хорошего тона никто не должен ни взглядом, ни жестом показать, что ребенок ведет себя как-то не так. Максимум у него могут мягко отобрать колющие и режущие предметы, которыми он может пораниться. В остальном – полная свобода. Ребенок может орать, валяясь на полу, купаться

в грязной луже и чуть ли не пить из нее – никто на него даже не оглянется. Но это в идеале, конечно. На самом деле все-таки исключения бывают везде, даже в Японии.

София Малиновская, прожившая в «стране восходящего солнца» семь лет, пишет: «Японское общество отказывается от одной из важных функций – общественного порицания, чтобы не одна мама была занудой-воспитателем, и чтобы посторонние тоже иногда сказали: «Фу, зачем ты лижешь асфальт!», – или – «Не кидайся песком! Мне в глаз попало и больно!». И ребенок бы заподозрил, что мнение относительно ситуации если не объективно, то сильно распространено в этом мире. Но нет, здесь все вежливо самоустраиваются. Так легче.

В семье тоже – когда в России ребенок до пяти лет делает нечто, заслуживающее осуждения, пресечения и, может быть, наказания (да-да, мне кажется, и такое бывает), он встречает понятные своей кирпичностью морды родителей и их строгие возгласы. Из этого он может заключить, что так делать не надо.

В Японии в критической ситуации он встречает какое-то мягкое неясное мяуканье и смех – добрым голосом: «Ой, что ты сделал! Что же ты делаешь! Хи-хи-хи, о, ты хотел сделать аппликацию, молодец, и вырезал цветочки из диванчика, круто! Ничего себе, такой маленький (только до пяти лет), а уже так хорошо вырезает! Но не надо было... Ну да ладно.»

Потом родители или законные опекуны будут причитать себе под нос, прятать ножницы и говорить, что они опасны. Здесь в чести опасность. Как-то мне после двадцати лет на полном серьезе ровесник говорил, что нож опасен, и что есть йогурт, просроченный на один день – опасно.

Конечно, везде бывают исключения, и, наверное, вы тоже знаете японку, которая на ребенка и орала, и всячески рукоприкладствовала. Но это исключение».

Что это – дань традиции или воспитанное многими поколениями умение отстраниться от происходящего? Максим Крылов, стипендиат Министерства образования, культуры, спорта и туризма Японии, студент факультета права Университета Хито-цубаси (Токио), международный обозреватель портала Slon.ru, по этому поводу пишет: «Иностранцу не положено знать про татэмаэ, труднопереводимое понятие, объясняющее половину всех японских культурных парадоксов. Татэмаэ – это что-то вроде фасада или витрины. Расписная ширма дзубебу, с горой Фудзи в нежных лучах восходящего солнца, за которой может твориться какое угодно непотребство. В России с непотребством борется Государственная дума, а в Японии его просто прикрывают ширмой и просят не шуметь в процессе».

Многие наши соотечественники, пожившие в стране восходящего солнца несколько лет, считают, что в том, что касается взгляда на поведение чужих детей, русские и японцы находятся как бы на двух противоположных полюсах. У нас чуть ли не любой считает своим долгом сделать маленькому хулигану замечание и поучить его маму, как надо воспитывать ребенка, а в Японии положено не вмешиваться вообще.

Иностранцев шокирует, когда японские дети не здороваются, не знают слов «спасибо» и «пожалуйста», что особенно странно смотрится на фоне идеальной вежливости взрослых японцев, могут без спроса ввалиться в чужой дом и вести себя там, как хотят и т. д. Японец на все это смотрит равнодушным взглядом, словно не видит ни ребенка, ни того, что тот творит. Можно сказать, что оборотной стороной абсолютной свободы маленьких детей стало то, что они существуют как бы вне общества и его правил. Подобная традиция во многих случаях приводит к тому, что родители вообще самоустраиваются от какого-либо участия в воспитании собственных детей, оставляя это детскому саду и школе. «Во многих семьях детей до пяти лет почти не учат говорить «спасибо» и «пожалуйста», воспринимать членов семьи как людей и отвечать за свои действия, – рассказывает София Малиновская. – Этому, надеются японцы, детей научат потом, где-то в коллективе, когда дети выучатся читать правила».

Японские женщины. Семья или работа?

Если для японских отцов самоустранение от воспитания ребенка в некоторой степени даже естественно, поскольку они, по сложившейся вековой традиции, и не должны заниматься детьми, то с матерями ситуация несколько сложнее.

* * *

Раньше семейные роли были четко дифференцированы: муж – добытчик, жена – хранительница очага. Мужчина считался главой семьи, и все домашние должны были беспрекословно ему подчиняться. Но времена меняются. В последнее время сказывается влияние западной культуры, и японские женщины все больше пытаются совмещать работу и семейные обязанности. Однако до равноправия с мужчинами им еще далеко.

Их основным занятием по-прежнему остается дом и воспитание детей, а жизнь мужчины поглощена фирмой, в которой он работает. Такое разделение ролей находит отражение даже в этимологии. Широкоупотребительным словом по отношению к жене является существительное канай, которое буквально переводится «внутри дома». А к мужчине принято обращаться сюдзин – «главный человек», «хозяин»...

Воспитанием ребенка занимается мама... В Японии редко увидишь плачущего кроху. Мать старается сделать так, чтобы у него не было для этого повода. Первый год ребенок как бы остается частью тела матери, которая целыми днями носит его привязанным за спиной, ночью кладет спать рядом с собой и дает грудь в любой момент, когда он захочет. Японская промышленность даже выпускает специальные куртки со вставкой на молнии, которая позволяет носить спереди ребенка. Когда малыш подрастет, вставка отстегивается, и куртка превращается в обычную одежду. Ребенку ничего не запрещают, от взрослых он слышит только предостережения: «опасно», «грязно», «плохо». Но если он все-таки ушибся или обжегся, мать считает виноватой себя и просит у него прощения за то, что не уберегла. Когда дети начинают ходить, их тоже практически не оставляют без присмотра. Мама продолжают следовать за своими карапузами буквально по пятам.

Татьяна Тимофеева, «Японское воспитание»

* * *

Япония – страна очень патриархальная. Для нее, как для большинства стран, совершивших резкий скачок от глубокого средневековья сразу к развитому капитализму, характерен серьезный диссонанс между крепко укоренившимися традициями и требованиями современных реалий. Иностранцу трудно это представить, но японская женщина, со всех сторон окруженная самыми передовыми гаджетами, и сейчас очень часто находится в рабстве у средневековых традиций.

Конечно, слово «рабство» не надо понимать буквально, формально в Японии полное равноправие, а кроме того работает множество социальных программ и тому подобного. Но теория и практика очень сильно отличаются.

Чтобы было проще, можно вспомнить наши собственные реалии, особенно первой половины XX века. Тогда, после революции, советские женщины по закону тоже стали абсолютно равноправными с мужчинами. На практике же это вылилось в то, что женщины стали работать наравне с мужчинами, но прежние обязанности: готовка, воспитание детей и прочие домашние дела – никуда не делись и по-прежнему остались их заботой. Кроме того, государство требо-

вало, чтобы все женщины и работали, и рожали, и как-то заботились о детях при почти полном отсутствии даже яслей, не говоря уж о детских садах (декретные отпуска появились гораздо позже).

Парадокс, но в начале третьего тысячелетия в передовой Японии сложилась очень похожая ситуация. Разумеется, в отличие от советских женщин, японок никто не заставляет работать, они имеют полное право быть домохозяйками, да и материальный уровень жизни у них совсем другой. Но тем не менее сходства куда больше, чем кажется на первый взгляд.

Прежде всего, надо понимать, что в японском обществе женщина не равна мужчине. И в отличие от европейцев и американцев японцы даже не пытаются делать вид, будто это не так. «Мама и бабушка в Японии – просто прислуга, папа и дедушка – немного другая прислуга... – пишет Малиновская об отношениях в японской семье. – Женщины работают... не привлекая помощь детей и мужчин. «Ничего-ничего, я сама», – это типичный ответ японской женщины на вопрос о помощи. В тяжелых случаях у женщины будет репутация подмочена, если посуду помоеет кто-то другой. Японская мама сама всем даст попить и поесть, уберет и подотрет, «спасибо» и «пожалуйста» не обучит, все сама разложит. Это ее миссия».

Такое отношение к женщине как к некой функции интересно отразилось в бытовой традиции называть замужнюю женщину, особенно уже родившую ребенка, не по имени и даже не по фамилии, а «мать». Как в средневековье, когда даже образованные и знатные писательницы подписывались не собственным именем, а «мать такого-то». Нам трудно представить себе диалог двух встретившихся на улице подруг: «Здравствуй, мама Сережи, как поживаешь?» – «Добрый день, мама Леночки, спасибо, хорошо». А для Японии это совершенно нормально.

Впрочем, можно вспомнить, что и у нас до сих пор иногда бывает, что в семьях муж жену называет «мать», а она его «отец». Одна моя родственница рассказывала, что муж когда-то хотел назвать их ныне уже взрослую дочь в честь нее, но она сама была резко против, потому что это обязательно привело бы к тому, что дочь он бы называл по имени, а ее просто «мать».

Но у нас это все-таки характерно для деревни и для старшего поколения, даже современным людям средних лет это уже в основном кажется странным. В Японии же такое обращение к жене настолько повсеместное, что недавно одна косметическая компания выпустила рекламно-социальный ролик на эту тему. Для этого они попросили нескольких молодых мужей, недавно ставших отцами, обратиться к женам не «мать», а по имени, и засняли реакцию на такое обращение. Результат превзошел все ожидания – женщины изумлялись, улыбались и даже плакали, услышав свои имена, которыми их мужья в последний раз называли, наверное, во время медового месяца. Но достаточно, в общем-то, просто посмотреть на их сияющие лица, чтобы понять – не все так уж благополучно с японскими семейными традициями.

Японские термины родства и обращения в семье и вне семьи

В Японии... обращения между членами семьи чаще всего несимметричны, правила обычно стандартны, старших и младших братьев (сестер) именуют по-разному, а в семье и вне семьи используют разные слова... В Японии обращение к взрослому мужчине по имени возможно лишь внутри семьи.

В японской семье нет равных лиц по отношению к говорящему, иерархический признак может принимать лишь два значения: «высший» и «низший». Главный признак для установления внутрисемейной иерархии – признак возраста. Высшие по определению – любые старшие члены семьи, включая старших братьев и сестер (даже среди близнецов один считается старшим, другой – младшим). Эта черта обычно перевешивает признак пола: мать оказывается высшей по отношению к сыну, а старшая сестра – по отношению к младшему брату. Возраст важнее и образования? и социального положения: отец или старший брат остается высшим, хотя он может по этим параметрам отстать от сына или младшего брата. Исключение составляют отношения мужа и жены: они будут одними и теми же (традиционно муж – высший) независимо от того, кто из них старше. Точнее, следует говорить не о возрасте, а о поколении: дядя будет высшим по отношению к племяннику, хотя он может быть и моложе его. Но в европейских культурах не только мужа и жену, но и братьев и сестер относят к одному поколению, в Японии это не так.

Общее правило употребления имен родства, вроде русских «отец», «сын», «брат» в семье у японцев сводится к следующему: в любой ситуации они используются только по отношению к старшему члену семьи. Отца именуют *otoosan*, мать – *okaasan*, старшего брата – *niisan*, старшую сестру – *neesan*, дядю – *ojisan*, тетку – *obasan*, деда – *ojiisan*, бабушку – *obaasan*. Все эти слова могут быть и обращениями, и именованьями в предложениях. Они могут употребляться и по отношению к соответствующим родственникам жены или мужа. Хага Ясуси считает важной чертой японской языковой картины мира отсутствие слов, по своей внутренней форме соответствующих английским словам вроде *brother-in-law* «шурин, деверь», буквально «брат по закону». В этом, по его мнению, проявляется то же различие культур, что и в том факте, что в Японии на душу населения в 40 раз меньше юристов, чем в США. Такие идеи вряд ли можно доказать или опровергнуть. Впрочем, по-японски, скажем, приемная дочь – *giri no musume* (*giri* – «моральный долг», *musume* – «дочь»).

Высших членов семьи не называют по именам или (исключая мужа) личными местоимениями. Вообще местоимения 2-го лица в японском языке не слишком вежливы. Впрочем, сравнительно более вежливое из них *anata* употребительно и в отношении мужа (в иных случаях оно в семье не употребляется). То, что у нас называется обращением в 3-м лице, в Японии широко применяется (имена родства, названия должностей, фамилии и имена), но не в смысле употребления местоимений 3-го лица. Эти местоимения употребляются ограниченно (их иногда рассматривают как кальки с западных языков), а в семье не употребляются совсем.

Высшие члены семьи обращаются к низшим по именам или с помощью личных местоимений 2-го лица, но не имен родства. Таких местоимений несколько, и они имеют различия у мужчин и женщин. В мужской речи их прежде всего два: *kimī* и *otae*. Первое из них чисто мужское, фамильярное и указывает на небольшую разницу в статусе между говорящим и именуемым лицом; оно употребляется и вне семьи, а в семье чаще к младшим братьям и сестрам. Местоимение *otae* наименее вежливо и указывает на большую разницу в статусе. Оно чаще всего употребляется мужчинами по отношению к низшим членам семьи, будучи не всегда уместно вне семьи. Например, в романе Исикава Тацудзо *Doro ni mamirete* («Испачканная

грязью») муж героини называл ее *kimī*, пока она была его невестой, но после свадьбы перешел на *омае*. В отличие от *kimī* это местоимение не считается чисто мужским, но его употребление женщинами крайне ограничено. Известная лингвистка Дзюгаку Акико размышляет о том, где бы она могла употребить местоимение «не ее мира» *омае*, и приходит к выводу, что единственная для нее возможность – обращение к собаке. Она же отмечает, что его использование по отношению к жене в наши дни уже вызывает недовольство многих женщин. Наиболее частое женское местоимение 2-го лица в семье – *anta*, обычно связанное с небольшой разницей в статусе говорящего и собеседника. Так старшая сестра может называть младшую, но матери чаще не употребляют личные местоимения внутри семьи, предпочитая называть детей по имени. Надо сказать и об именовании членов семьи тогда, когда они не являются собеседниками (в том числе в их отсутствии). Здесь также по отношению к высшим используются те же самые имена родства, а по отношению к низшим – имена, но, как правило, не местоимения 3-го лица. Следовательно, слова со значением «сын» или «младшая сестра» в японском языке употребляются только по отношению к людям, находящимся вне данной семьи. Особая ситуация – речь о жене и муже. Муж чаще всего обратится к жене по имени, но, говоря о ней, назовет ее особым именем родства: *kanai*, *tsuma* и др. Жена же называет мужа *shujin*, буквально «хозяин», хотя это слово в наши дни не принимается некоторыми женщинами, или *danna* «барин» (редкий пример санскритизма, сейчас устаревает). При непосредственном общении супругов все эти слова не употребляются.

Если же в разговорах с членами семьи нужно назвать себя, то правила переворачиваются, а слова в итоге оказываются теми же самыми. Отец в разговоре с сыном может назвать себя *otoosan*, старшая сестра в разговоре с младшей – *neesan* и т. д. Местоимения 1-го лица по отношению к низшим тоже возможны. Муж в разговоре с женой может называть себя только мужским местоимением, чаще всего это невежливое местоимение 1-го лица *ore*, хотя нейтральное мужское местоимение *boku* также возможно.

Низшие члены семьи в разговоре с высшими называют себя личными местоимениями или личными именами. И здесь возможно нейтральное мужское местоимение *boku*, его женской параллелью будет *watashi* (наиболее вежливое местоимение *watakushi*, употребляемое мужчинами и женщинами, в семье не используется). Последнее местоимение иногда употребляют и мужчины, тогда как женщины не должны говорить *boku*. Существует и женское местоимение 1-го лица *atashi*, используемое при небольшой разнице статуса между собеседниками. Например, обе сестры могут так называть себя в разговоре друг с другом, однако все равно, если одной надо назвать другую, младшая употребит имя родства, а старшая так поступить не может.

Имена младших членов семьи активно употребляются во внутрисемейном общении, но вне семьи по именам не называют; исключение – дети, где правила другие, да иногда пожилой человек может так называть молодую девушку, как бы уподобляя ее ребенку. А имена старших членов семьи в семье не употребляются. Мидзутани Осаму указывает, что очень многие японцы не знают имена своих дядей, теток, бабушек и др... И не употребительна в семье фамилия (в Японии до сих пор женщины, вступая в брак, обычно меняют фамилию).

Зато в общении вне семьи человека (кроме случая, когда фамилия неизвестна) большей частью называют по фамилии в сопровождении особого суффикса *sama*, *san* или *kun* (перечислены по убыванию вежливости). Другой способ – назвать его по должности. При обращении к своему начальнику отдела (*kachoo*) в фирме, если его фамилия Ямамото, допустимы три варианта: *Yamamoto-san*, *kachoo* и (реже) *kachoo-san*, но ни в каком случае не местоимение 2-го лица, поскольку местоимения по отношению к высшему будут недостаточно вежливы. В связи с этим высказывается мнение о том, что в японском языке человек, прежде всего, именуется по его функции: должности, рангу, положению в семье и т. д., но не как отдельная личность.

И именование может меняться: если братья работают вместе, то низший по положению из них называет на работе брата (но не дома!) по должности, а не по имени родства.

А имена родства вне семьи оказываются иными, чем в семье, причем отличия могут быть двух типов. О высших членах своей семьи вне семейного общения приятно говорить, используя другие слова: отец будет *chichi*, мать – *haha*, старший брат – *ani*, старшая сестра – *ane*. Другое различие заключается в том, что в ряде случаев чужих родственников называют иначе, чем своих: более вежливо. Например, чужую жену (в том числе жену собеседника) нельзя назвать *kanai* или *tsuma*, надо сказать *okusan* (*oku* – «внутренняя часть дома», то есть слова *kanai*, буквально «в доме», и *okusan* похожи по семантике, но уровень этикетной вежливости иной). А как быть, если надо назвать чьего-то отца? Оказывается, что здесь нужно то же самое слово *otoosan*, которым называют своего отца внутри семьи; аналогичная ситуация и со всеми другими старшими родственниками. Странно и нелогично? Нет, надо учитывать, что, например, слово *otoosan* вежливо, а слово *chichi* – нет. Внутри семьи все – «свои», и на первый план выступает семейная иерархия. Вне семьи выражать вежливость к собственному родственнику нельзя: вступает в силу отношение «свой – чужой», и мы тем самым проявляем невежливость к тому «чужому», с кем говорим. Но употребить вежливое слово к родственнику «чужого» вполне естественно. Впрочем, такому объяснению противоречит возможность сказать *otoosan* и пр. о себе: уважаемым лицом может быть кто угодно, но только не сам говорящий.

Еще специальное слово для именованья вне семьи – *sensei*, буквально «прежде рожденный» (и в качестве обращения, и в качестве обозначения в предложении). Оно настолько стало известным, что даже вошло в русский язык, правда, в суженном значении: у нас сэнсэем обычно называют лишь тренера по дальневосточным (необязательно даже японским) единоборствам. Но в японском языке так именуют любого образованного человека, обычно старше и образованнее, чем говорящий (часто учителей, преподавателей, врачей, но не только их)...

Особые трудности появляются при обращении к незнакомому человеку. В таком случае нередко выход из положения – использование имен родства для «чужих». Скажем, незнакомую женщину средних лет можно назвать, как и чью-то жену, *okusan* (в традиционном японском представлении всякая такая женщина замужем); и в русском языке незнакомому мужчине можно назвать дядей, только это еще более невежливо, чем в японском языке. Молодых женщин старшие по возрасту знакомые могут называть и по именам. Одна домашняя хозяйка в письме в журнал жаловалась, что потеряла имя и стала для окружающих только *okusan*, а другая, наоборот, радовалась тому, что хотя она замужем, ее еще именуют по имени. Но в современной Японии все такие обращения уже не всегда достаточно вежливы, как и обращения с помощью местоимений 2-го лица. Нередко при необходимости начать диалог с незнакомым человеком лучше вообще не пользоваться никакими специальными обращениями, начиная общение словами, не обозначающими собеседника, но устанавливающими с ним контакт: *ano* «послушайте», *sumimasen* «извините» и др. В таком случае между говорящим и слушающим сразу устанавливается некоторая дистанция, отсутствующая при использовании имен родства.

В. М. Алтатов, «Япония: язык и культура»

* * *

Женщины послушно живут так, как им предписывают правила, и как их воспитали в детстве (девочек и мальчиков изначально воспитывают несколько по-разному, но об этом позже). Но это не значит, что им нравится такое положение дел. Однако при этом делать карьеру японки тоже не особо стремятся. Так в Японии по статистике работает только 63 % женщин, и это при том, что японские женщины в целом образованы лучше, чем мужчины: 59 % японок в возрасте от 25 до 34 лет имеют высшее образование, тогда как у представителей сильного

пола этот показатель только 52 %. И вот тут, чтобы понять этот парадокс, надо немного углубиться в ситуацию на японском рынке труда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.